

сенка про иуд», «Пятой колонне», «Жирик», «Президенту банановой республики от гражданина советской страны». Остро и едко поэт высмеивает убожество чувств и мысли, свойственные, по его мнению, «либеральной интеллигенции». Жесткая гражданская позиция поэта приводит его к совершенно определенным, чуждым всякой «политкорректности», выводам: «Либерал — это смерть, либерал — это мор, / Либерал — это голод и страх» («Либералу»), побуждающие к не менее решительным действиям: «Бульжаник — оружие пролетариата», «Готовьте списки!», «Гарант, несущий горе и смерть, / За все / России / — ответь!», «К топору!». Не чужд Х. и сатиры на представителей «попкультуры», как, например, в стих. «Бабка Пугачиха». Шуточные песни («Бредятина-отсебятина», «Галиматя»), где русские сказки и анекдоты переплетаются с совр. жизнью страны, содержат непринужденную народную и житейскую мудрость.

Два аудиодиска Х. посвящены русским офицерам. Военные действия на Северном Кавказе, побудили Х. откликнуться песенным сб. «За что вы гибнете, ребята». Х. напоминает о кавказских войнах прошлого. Так, историческая быль «Слушайте, братие...» рассказывает о героической обороне аула Ахты в 1818, когда малочисленный русский отряд сражался с многократно превосходящими силами абреков. Поэт завершает рассказ словами: «Помните, братие, помните пору великих дел. / Не забывайте, русские, прадедов честных своих». Впрочем, основное содержание кавказских песен Х. посвящено совр. чеченским войнам. Так, в «Послании в Чечню», написанном в 1995, еще в период первой войны, Х. с позиций русского солдата объясняет ее смысл: «Мы вернулись затем, чтоб на месте / Вскрыть дудаевский гнойный нарыв, / Чтoб чеченцу и русскому вместе / Упредить вседержавный разрыв, / Чтoбы банда абреков-шакалов / Не терзала чеченский народ, / Чтoбы злому шайтану Джохару / Не дурачить его наперед». С другой стороны, вечного позора достойны офицеры, покончившие с собой, отказавшиеся бороться за Отчизну («Найдется ль один, кто из вас воспотрошил / Хоть пару, хоть тройку банкиров, / Кто прежде себя с пистолета прошил / Делягу, заплывшего жиром?») («Офицерам, бесславно ушедшим из жизни в течение года»).

Мн. из своих произведений Х. посвятил памяти героев Великой Отечественной войны («Петергофский десант», «Зоя», «От Любани до Мги», «Ижорский батальон»,

«Песня о советской пехоте», «Победа»). Эта память побуждает к бескомпромиссным призыву в стих. «Пожелания защитнику Родины»: «Нынешних дней очевидец, землю родную любя, / Ты научись ненавидеть, чтоб не утратить себя. / Целься в подонков вернее и — да не дрогнет рука — / Кончатся пули — смелее пользуйся сталью клинка!»

Философскому осмыслению происходящего в России посвящены такие песни, как «Разговор с Россией», «Сквозь стоны, гам...», «У России два товарища», «Братья-славяне», сб. «Русский характер». Немало стих. навеяны «черным октябрем» 1993: «Не забывайте этот дым / Над белой крепостью восставших, / Не растопчите крови павших, / Разбрызганной по мостовым». О прошлом страны, ее историческом пути Х. размышляет в песнях «Стрельцов вели на плаху», «Рождалась наша Русь в надеждах и печали», «Лежал Восток под нашими ногами», «Воспоминания об ушедшей Победе», «Нам на коленях ползать не пристало».

Соединение публицистического начала с сильнейшим эмоциональным зарядом, хрипловатый, порой срывающийся на крик, голос рождает особую энергетику, привлекающую на концерты Х. множество слушателей. Музыка Х., без которой трудно оценивать и воспринимать его поэзию, демонстрирует разные музыкальные стили. Х. считает себя бардом и действительно наследует традиции русской авторской песни. Но достаточно часто Х. использует мотивы народной песни, исторических баллад, былинных сказов, солдатских песен, блатного фольклора. В целом же большинство авторских произведений Х. могут быть отнесены именно к жанру «песен русского сопротивления».

Х. выступает и как публицист, в частности, на страницах газ. «Дуэль»: «Только месь» (1997. № 11), «О конкурсах и конкурсе» (2002. № 39), «Ищите лидера!» (2004. № 7), «Еще раз про любовь» (2004. № 47) и др.

Соч.: Песни сопротивления. М., 1998; Моя Родина — Советский Союз. М., 2000; Россия, Родина, Любовь. СПб., 2001; Я пою для людей, у которых есть воля... СПб., 2002.

Лит.: Ступников А. От составителя // Харчиков А. Песни сопротивления. М., 1988.

С. В. Лебедев

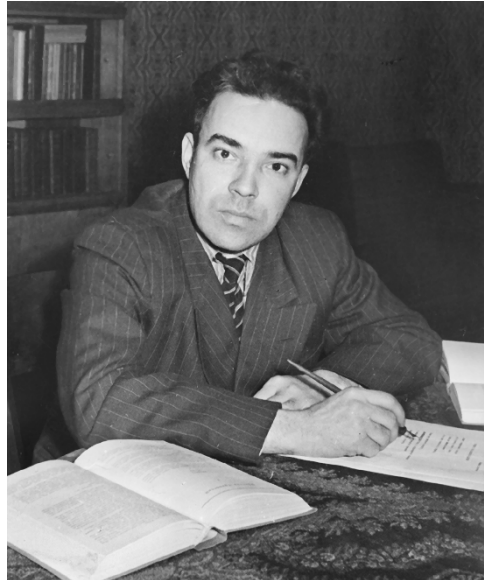
ХАУСТОВ Леонид Иванович [31.8.1920, Нолинск — 20.8.1980, Ленинград] — поэт.

Родился в учительской семье. С 1931 — в Ленинграде, занимался в Доме лит. воспитания школьников под руководством С. Маршака. Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. Герцена (1941, ускоренный выпуск), направлен на стрелково-пулеметные курсы Ленфронта. Участник обороны Ленинграда, тяжело ранен при переправе у Невской Дубровки. В 1946–51 — руководитель лит. студии Ленинградского Дворца пионеров, в 1952–55 — лит. объединения ЛГУ.

Первая публикация — стих. «**Рябина**» в ж. «Ленинград» (1940) — привлекла внимание музыкальностью, неподдельным лиризмом («Ломать рябину красную, / На подволоку класть, / Какая-то неясная / В ней горечь есть и сладость. / И настоять рябиновой / В графине для друзей / Рябиновой, рубиновой / Для суженой моей»).

Первые книги Х., появившиеся после войны — «**Утренний свет**» (Л., 1945), «**Новоселье**» (Л., 1947); «**Дорогой мира**» (Л., 1952), — отдавали значительную дань расхожей риторике и лит. штампам («прищуренный взгляд Ильича», «За коммунизм! За Сталина!» и т. д.). Но критики инкриминировали Х. «книжность, музейность, школярство», слабую связь «с трудом, борьбой, творческой деятельностью нашего народа»: «Многие его стихи... посвящены Ленинграду, но тот город, который возникает в этих стихах, воспринимается скорее как музей, чем как один из крупнейших культурных и производственных центров нашей страны» (Б. Соловьев). Время показало, что речь в основном шла как раз о тех стих., в которых намечались лучшие черты творческой манеры Х. — приверженность петербургско-ленинградской культурной традиции, четкость строфы (в стихах о памятнике Пржевальскому Х. обращается даже к форме сонета, почти забытой в те годы), точность и запоминаемость формулировок: «Хороша игрушка расписная / Вся поет, бесхитростно-светла, / И видна в ней радость молодая / Ставшего искусством ремесла» (стих. «**Художница**» о мастерице дымковской игрушки).

Предметностью, умением воссоздать в слове давно ушедшее время отличалось стих. «**Рождение города**»: «Сначала землянки да избы врзброс / Да маковки темных часовен. / Но вот и проспекты скроили на рост, / И крепость срубили из бревен... / А Петр восседает, довольный вполне, / От пороху черен и пыли, / Не всадником медным на злом скакуне, / А просто на рыжей кобыле...» Образ города возникал и в стихах на «личные» темы: «Улиц пустынных гладь, /

Л. И. Хаустов

Плавный полет мостов. / Чудится мне опять / Шорох твоих шагов... / Тает ночная мгла. / Шпиль над Невой блестит. / Улица, как стрела, / В красный рассвет летит. / Город моих стихов. / Город твоих шагов».

Заметной вехой в творчестве Х. стал сб. «**Черты биографии**» (1958), появившийся в годы «оттепели». Гражданский подтекст безошибочно прочитывался в миниатюре, написанной в распространенном тогда жанре стихотворения-притчи: «Я на асфальте видел чудо: / Сначала вздулся бугорок, / Назавтра треснул, и оттуда / Пробылся маленький росток... / Живому не бывать в безвестье, / Оно пробьется в мир сполна, / Когда есть солнце в поднебесье, / Когда есть в почве семена!» Мн. стих. сборника проникнуты чувством неповторимости человеческой личности и судьбы. Излюбленный прием автора — афористичная, подчас парадоксальная концовка, как, например, в стих. «**Бабка**» — на основе семейного предания о юной цыганке, вошедшей в русскую семью и рано умершей: «Вот и холмик. Снимаю шапку... / Звездам — меркнуть, заре — алеть. / Девятнадцатилетняя бабка / Завещает мне долго петь!» Вместе с тем отдельные стихи были по-прежнему не свободны от риторических штампов. Это же можно сказать и о поэме «**Во имя грядущего**»: «Ты здесь, Чернышевский! Приблизились дали / Тобой предвиденных светлых времен. / Мы золотом имя твое начертали / Средь самых родных для народа имен».

Более удачна написанная позднее поэма «**Опасная сторона**», воскрешающая годы войны и блокады («...При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна — уличная надпись, знакомая каждому ленинградцу»). «Ты, верно, солнце так любила, что шла опасной стороной», — вспоминает автор девушку, погибшую в блокадном городе. Через всю поэму проходит параллель между блокадой и Дантовым адом, возникает образ переводчика «Божественной комедии» — Михаила Лозинского, в блокадные дни работавшего над переводом «Рая» («Поэт, который русским словом / Нам слово Данте передал. / Он даже профилем суровым / Похож был на оригинал»). Военная тема и в дальнейшем проходит через все творчество Х., наряду со стихами о родном городе, о деятелях русской истории и культуры (Державин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин, академик Павлов и др.) и многочисленными стихами, приведенными из поездок по стране и за рубеж.

Наряду с оригинальным творчеством Х. занимался переводами, преимущественно украинских и белорусских поэтов.

Соч.: Волне навстречу. Л., 1958; Родному краю. Киров, 1959; Весенняя река. Л., 1961; Стихи о Ленинграде. Л., 1967; Год призыва 1941. Л., 1968; Стихотворения и поэмы: 1940–1970. Л., 1970; Избранная лирика. М., 1971; Лирический горизонт. Л., 1972; Главное в жизни. Л., 1975; Слушая время. Л., 1978; День летящий. Л., 1981; Оставляю вам стихи. Л., 1982; Амур и Психея. Л., 1989.

Лит.: Соловьев Б. О творчестве молодых // Поэзия и жизнь. М., 1955. С. 496–500; Писатели Ленинграда: библиографический справочник. 1934–1981. Л., 1982. С. 319; Ленинградские писатели-фронтовики. 1941–1945. Л., 1985. С. 89–390; Сотников Н. Летящая к людям строка // Хаустов Л. Оставляю вам стихи. Л., 1982. С. 128–135; Эльяшевич А. Дневник сердца: Леонид Хаустов в жизни и стихах // Л. Хаустов. Амур и Психея. Л., 1989. С. 5–20.

И. О. Фояков

ХЛЕБНИКОВ Велимир (настоящее имя Виктор Владимирович) [28.10(9.11).1885, с. Тундутово в Малодербетовском улусе Астраханской губ. — 28.6.1922, д. Санталово Крестецкого р-на Новгородской обл.] — поэт, прозаик, драматург.

Родился в дворянской семье, отец — ученый-естественник, орнитолог, мать — по образованию историк. Детство проходит в семейных переездах (Волынская и Симбирская губ.) и завершается окончанием в 1903 гимназии в Казани, после чего следует поступление в Казанский ун-т на естественное отделение

физико-математического ф-та. Осенью 1908 Х. уезжает в Петербург и поступает там в ун-т на 3-й курс того же ф-та. В Петербурге происходят его первые лит. знакомства (Н. Гумилев, С. Городецкий, О. Мандельштам, М. Кузмин, «подмастерьем» которого вскоре себя Х. назовет); он посещает «среды» Вяч. Иванова, «Академию стиха» при «Аполлоне», но вместе с тем сводит дружбу и с будущими футуристами В. Каменским, братьями Бурлюками, Е. Гуро, М. Матюшиным, на квартире которого собирается их кружок.

В 1910 выходит 1-й сб. футуристов с придуманным Х. названием «Садок судей». Х. становится безусловным, несмотря на исключительную скромность и житейскую отрешенность, идейным и творческим центром создавшейся группы футуристов (по его собственному определению — будетлян). Несколько позже к «будетлянскому содружеству» присоединяются В. Маяковский, А. Крученых, в соавторстве и под одной обложкой с которым выходят в дальнейшем мн. книги Х.

Свою личную творческую программу в создании искусства будущего Х. намечает как сверхзадачу.

В 1904 в ряде своих заметок («**О будущем человека**», «**Новое**», «**Пусть на могильной плите прочтут**»), на десятилетия предвосхитивших выдвинутое Э. Леруа

В. Хлебников